

Оглавление

Предисловие научного редактора	9
Введение. Отправляемся в путешествие	13
Глава 1 Каннибалы ли мы?	23
Глава 2 Возникновение института отцовства.....	37
Глава 3 Кто они, наши первые предки-гоминины?	51
Глава 4 Младенец с большим мозгом — проблема для матери.....	63
Глава 5 Мы — мясоеды.....	71
Глава 6 Пьете молоко?	81
Глава 7 Ген Белоснежки	89
Глава 8 Наша бабушка умеет все!	97
Глава 9 Привело ли земледелие к благоденствию?	111
Глава 10 Синантроп и якудза	121
Глава 11 Где искать колыбель человечества: Азия бросает вызов Африке.....	129
Глава 12 Нас объединяет взаимопомощь.....	139
Глава 13 Кинг-Конг.....	149
Глава 14 Расплата за прогресс	159
Глава 15 В поисках человеческого лица	169
Глава 16 Наш меняющийся мозг	177
Глава 17 Вы неандерталец!	187
Глава 18 Молекулярные часы не отсчитывают время.....	197

Глава 19	Денисовцы: азиатские неандертальцы?	209
Глава 20	Хоббиты	217
Глава 21	Семь миллиардов человек — одна раса?	227
Глава 22	Продолжается ли эволюция человека?	237
Эпилог 1	Драгоценное человечество	245
Эпилог 2	Приглашение в непознанный мир палеоантропологии	249
Приложение 1	Ответы на часто задаваемые вопросы об эволюции.....	253
Приложение 2	Основные моменты эволюции гоминин	263
	Дополнительная литература	275
	Предметно-именной указатель	291

Предисловие научного редактора

В последние годы российский читатель не может пожаловаться на отсутствие качественных научно-популярных книг по физической антропологии, особенно посвященных вопросам происхождения человека. Книги обзорного характера на эту тему пишут многие российские ученые, прежде всего палеонтологи и антропологи. Впрочем, в отечественной практике есть примеры и очень успешного изложения сложных вопросов эволюции специалистами из других областей. Так, несмотря на неизбежное устаревание фактической основы, эталонной научно-популярной публикацией остается книга историка Натана Яковлевича Эйдельмана «Ищу предка»*, впервые изданная 50 лет назад.

Неугасающий интерес к этой тематике вызван невероятным развитием в последние десять лет эволюционной антропологии, использующей сегодня методический аппарат палеогенетики и изотопных исследований. На наших глазах меняются базовые концепции антропогенеза, открываются новые ископаемые свидетельства, возникает другое понимание характера взаимоотношений между давно обособившимися ветвями рода *Ното* (такими как неандертальцы, денисовцы или ранние анатомически современные люди). Скорость появления «революционных» научных статей,

* Эйдельман Н. Ищу предка. — М.: Молодая гвардия, 1970.

меняющих парадигму антропогенеза, такова, что рукописи восьмилетней и даже пятилетней давности в каких-то аспектах могут показаться устаревшими, если не наивными. Что уж говорить про школьные и вузовские учебники, иногда отстающие от развития передовой науки на десятки лет.

В такой ситуации научно-популярная литература в силу ее оперативности может играть важную роль в просвещении и образовании. Однако на ее авторах лежит особая ответственность за корректное освещение и интерпретацию не обкатанных в процессе долгих дискуссий фактов и концепций. Перед читателем тоже возникает сложная задача вдумчивого и критического восприятия текстов.

Отдельная проблема заключается в том, что ученые-популяризаторы принадлежат к разным научным школам, которые иногда с диаметрально противоположных позиций подходят к объяснению принципиально важных вопросов. Тут обычному читателю можно только посочувствовать, поскольку он не обязан разбираться в подобных хитросплетениях.

С этой точки зрения настоящая книга вобрала в себя все возможные сложности: она написана около девяти лет назад американским исследователем с азиатскими корнями, воспитанным в традициях научной школы, которая отстаивает концепцию мультирегиональной эволюции человека.

По сути дела, в основе книги лежит лекционный курс, прочитанный автором в одном из университетов и дополненный иногда очень эмоциональными лирическими отступлениями. Перед нами редкая возможность познакомиться с другой точкой зрения, сформированной, с одной стороны, особым бэкграундом автора, а с другой — американской или, если брать шире, западной традицией освещения некоторых тем.

Санхи Ли — ученица известных антропологов Милфорда Вольпова и Рэйчел Каспари (под руководством последней она выполняла свою квалификационную работу), поэтому она придерживается научных воззрений их школы.

Напомню, что концепции поли- и моноцентризма возникли в XX в. в попытке ответить на вопрос, когда и где выделяется анатомически современная линия наших предков. Приверженцы теории полицентризма (современное название — концепция мультирегиональной эволюции) доказывали, что, после того как наш предок на стадии питекантропа мигрировал из Африки, становление современного человечества происходило в разных регионах независимо.

Другая, моноцентристская, теория (еще называемая *Out of Africa*) утверждает, что анатомически современный человек сформировался в одном месте, скорее всего, в Африке, и, расселившись, вытеснил более отсталых предшественников в других частях света. Не буду касаться многолетних непримиримых дискуссий между сторонниками этих теорий. Замечу только, что каждая из них до сих пор имеет авторитетных сторонников и что сторонников моноцентризма больше, в том числе в советской и российской науке.

Мы застаем автора этой книги в момент вскоре после открытия палеогенетиками представителей нового реликтового человечества в Азии — денисовцев. С тех пор произошло много интересного: расшифрован полновесный геном неандертальцев и денисовцев, установлены факты неоднократной метисации их друг с другом и даже обнаружен гибрид первого поколения от такого брачного союза. Генетическое наследие неандертальцев выявлено у всех современных людей за пределами Африки, а наследие разных групп денисовцев — у некоторых жителей Азии, аборигенов Австралии и островов Меланезии. Эволюционная линия современного человека в Африке подверглась удревнению до 300 000 лет назад, и это, возможно, не предел. Эти ранние анатомически современные люди, скорее всего, имели контакты с ранними предками неандертальцев, последствия которых тоже устанавливаются в процессе генетических исследований. Мало того, ученые вплотную подошли к изучению генома общего

предка — питекантропа, возможные следы метисации с которым обнаружены у тех же денисовцев. Перед нами предстает картина эволюции человека, значительно более сложная, чем предполагалось совсем недавно, размывающая казавшиеся непреодолимыми репродуктивные барьеры, а вместе с ними, очевидно, противоречия конфликтующих научных теорий. Но надо признать, эта картина соответствует феномену человечества в целом, с его способностью приспосабливаться не только к природной, но и к искусственной (культурной) среде, преодолевать долговременные барьеры изоляции и влияния микроэволюционных процессов. Сложный феномен заслуживает сложной эволюционной истории.

Что же ценного остается в книге Санхи Ли и помогавшей ей журналистки Синъён Юн? Это обращение к широкому кругу проблем биологической антропологии, причем, что интересно, иногда рассмотренных в нестандартном ключе. На страницах книги обсуждаются репродуктивная стратегия ископаемых гоминин и приматов в целом; возникновение осознанного отцовства; прямохождение ископаемых предков; эволюция размеров головного мозга; питание (мясоедение и преодоление лактазной недостаточности у взрослых); различия в пигментации и редукции волосяного покрова; удлинение человеческой жизни в процессе эволюции; переход от охоты и собирательства к земледелию и его демографические последствия; альтруизм и многое другое.

Наиболее дискуссионным для многих читателей может показаться освещение темы рас человека. И здесь нужно подчеркнуть, что автор целиком следует традициям современной западной антропологии, рефлексировавшей при использовании этого термина, скомпрометированного идеологами расизма. Можно сказать, что книга служит первой ступенью знакомства с широким спектром проблем физической антропологии.

М. Б. Медникова

ВВЕДЕНИЕ

Отправляемся в путешествие

В 2001 г. начался новый этап моей жизни — я получила место преподавателя на факультете антропологии Калифорнийского университета в Риверсайде. Мне казалось, что лучше полететь в Калифорнию налегке, а имущество, включая машину, отправить морем (благо университет оплачивал расходы). Однако этот план скоро изменился. Мой научный руководитель в магистратуре стал убеждать меня пересечь страну на машине. Я как могла отбивалась. Мне хотелось побыстрее добраться до Калифорнии и побыстрее устроиться, но это, конечно, была отговорка — честно говоря, мысль о таком путешествии ужасно меня пугала. После долгих разговоров убедительный аргумент научного руководителя все же взял верх: это была уникальная возможность на личном опыте узнать и прочувствовать, что такое Америка.

Я вспомнила книгу «Путешествие с Чарли»* Джона Стейнбека, написанную в 1962 г. Я прочла ее после колледжа, готовясь к обучению в магистратуре в Соединенных Штатах. Стейнбек со своей собакой Чарли проехал всю страну, размышляя о том, что значит быть американцем и что такое американский народ. Он честно писал о проблемах Америки,

* Стейнбек Дж. Путешествие с Чарли в поисках Америки. — М.: Прогресс, 1965.

в том числе о расовом неравенстве. Судя по его рассказу, не удивительно, что в 1960-х гг. началось движение за гражданские права, потрясшее страну до самого основания. Картина, нарисованная этой книгой, занимала мое воображение в 1990 г., когда я готовилась к жизни в Соединенных Штатах.

Когда я уезжала из Кореи, мои соотечественники почти не интересовались мультикультурализмом и этнокультурным разнообразием. Мне, имевшей самое общее, примитивное представление о двух расах, черной и белой, этнические и социокультурные аспекты расового вопроса и глубоко укоренившиеся разногласия между расами были внове. Последовав совету научного руководителя, я решила извлекать максимум возможного из общения с людьми везде, где буду проезжать, из всего увиденного и пережитого. Я уложила диктофон и другие пожитки, не отправленные морем, в минивэн Dodge Voyager 1994 г. (надежная машина, но без электрических стеклоподъемников, кондиционера и даже без автомагнитолы) и двинулась в путь.

Готовясь к поездке по стране, я твердо решила избегать скоростных автострад и по возможности пользоваться местными дорогами. Поскольку тогда у меня не было мобильного телефона, я купила телефон для экстренных вызовов, с которого можно было позвонить только на номер 911, и зарядное устройство, работавшее от бортовой сети автомобиля. В число моих запасов вошли ящик бутилированной воды, коробка крекеров, минимальный набор одежды и туалетные принадлежности. Я чувствовала себя капитаном Джейнвэй из любимого сериала «Звездный путь: Вояджер» и, выезжая на трассу, повторяла про себя девиз: «Смело идти туда, куда не ступала нога человека».

Мое путешествие началось в Индиане — нет, не в штате Индиана, а в одноименном пригороде Питтсбурга в Пенсильвании, где я год проработала приглашенным преподавателем Пенсильванского университета. Индиана, штат Пенсильвания, больше известна как родина актера Джимми Стюарта.

На момент моего пребывания там это был средних размеров город, переживавший упадок вместе с горнодобывающей и металлургической промышленностью Питтсбурга. Когда мужчины-горняки потеряли работу, добытчиками стали женщины, работавшие в основном в сфере обслуживания. Многие жители Индианы были не в восторге от изменившегося экономического положения как всего города, так и своих семей. Это недовольство ощущалось и в университете, который превращался в главного работодателя по мере сокращения добычи и переработки железорудного сырья. Весь тот год я только и ждала возможности уволиться и найти место преподавателя в более крупном и гостеприимном учебном заведении. С такими видами на будущее я отправилась в путешествие по Америке.

Сначала я завернула в штат Мичиган попрощаться со своим научным руководителем Милфордом Вольповом. Это один из основоположников мультирегиональной эволюционной модели происхождения современного человека. Для меня были очень важны его поддержка и критика, а также почти родственное отношение, которого мне так не хватало вдали от дома. Я влюбилась в палеоантропологию — междисциплинарную область, объединяющую естественные и гуманитарные науки, хотя в старших классах и колледже мало интересовалась точными науками и естествознанием. Без постоянной поддержки и ободрения со стороны такого наставника, как Милфорд Вольпов, мне, безусловно, пришлось бы туго в этой области исследования.

Из Мичигана я направилась в Кентукки повидаться с одной из подруг по магистратуре. Она с семьей приехала в Соединенные Штаты из Сайгона в конце войны во Вьетнаме, и мы сблизились, отчасти потому, что обе были азиатками. Наши контакты оборвались после магистратуры — она выбрала совершенно иной жизненный путь, став руководителем крупной компании и счастливой матерью двоих детей.

Многие идут в магистратуру, чтобы посвятить жизнь науке, но потом, как моя подруга, выбирают другую стезю, так и не получив ученой степени. В контексте моей поездки по стране наша встреча заставила меня задуматься о путях, от которых мы отказываемся. Что, если бы она тогда осталась в магистратуре и доучилась? Что, если я брошу науку и найду другое занятие? Как ни крути, поворот на другую дорогу, когда уже пройдена часть пути к докторской степени, требует смелости. Нужно справиться со страхом показаться другим неудачником и слабаком, но и удержаться в сфере науки тоже нелегко. В общем, простых путей не бывает. Точнее, каждый из них прекрасен по-своему.

Отправляясь в путешествие, я строила грандиозные планы, но на бесконечных равнинах Кентукки, Иллинойса и Миссури мой задор начал испаряться. Стоял конец августа, и после короткой прохлады раннего утра наступала удушливая жара. Из-за отсутствия кондиционера приходилось ехать с открытым окном. Двигаясь на запад, я почти все время оказывалась лицом к солнцу, а левая рука с каждым днем становилась все темнее от загара. Солнцезащитный козырек не помогал. Дороги местного значения были пустынные, за весь день навстречу мне попадалась от силы пара машин. Единственное развлечение — радио, где транслировались музыка в стиле кантри и мелодии из вестернов. В открытое окно врывался горячий воздух, я ехала в раскаленной машине под медленные композиции и, казалось, чувствовала, как плавится мозг. Люди в дальних поездках не просто так выбирают бодрящую и простую музыку.

После целого дня езды, когда солнце начинало садиться, я останавливалась у ближайшего мотеля.

— Есть свободные места?

За стойкой чаще всего оказывалась высокая женщина средних лет, устремлявшая на меня подозрительный взгляд.

— А вы точно одна?

Она украдкой заглядывала мне за спину, видимо, ожидая, что я сниму номер на одного, а сама тайком проведу целую компанию.

Я проглатывала простой ужин, шла к себе в номер, немного смотрела телевизор и засыпала, а утром, после легкого завтрака, обычного для мотелей, платила по счету и возвращалась на трассу.

Целыми днями я почти не открывала рта, разве что произносила несколько слов в мотеле при заселении и выселении. Везде я остро ощущала, насколько отличаюсь от окружающих, белокожих и рослых. День за днем я понемногу сникала. Ни с кем не хотелось разговаривать, отчасти из-за недоверия к незнакомцам (впрочем, никто не заводил со мной разговоров), а отчасти потому, что я здорово устала. Каждые два-три дня я покупала на заправке или в минимаркете открытки и сообщала новости родителям и друзьям в Корею.

После Канзаса, о котором не зря говорят «плоский, как лепешка», передо мной открылся грандиозный вид — Скалистые горы. Рельеф там прихотливый: дорога изгибалась, карабкалась на кручи и спускалась в долины, приходилось постоянно быть начеку. Я размышляла о многочисленных первопроходцах, безуспешно пытавшихся одолеть этот путь на фургонах (включая, конечно, знаменитую группу Доннера, участники которой застряли в снегах Сьерра-Невады и были вынуждены есть человечину, чтобы выжить).

Наконец я перебралась через горы из Невады в Калифорнию. Первое, что я посетила в Калифорнии, — Калико, в прошлом оживленный город на серебряных рудниках, а теперь не более чем обветшавший аттракцион для туристов. Калико пережил расцвет во время серебряной лихорадки в 1880-х гг., когда в течение 12 лет здесь действовало около пятисот серебряных шахт. В середине 1890-х гг. цены на серебро рухнули, Калико был заброшен и превратился в город-призрак.

Кстати, Калико занимает важное место в истории палеоантропологии. В 1960 г. Луис Лики, прославившийся выдающимися открытиями останков гоминин в Африке, идентифицировал Калико как раннее поселение первых американских индейцев и начал раскопки. Лики, очевидно, хотел дополнить историю своего невероятного успеха в Африке американской главой. Однако раскопки, начавшиеся с широкого освещения в СМИ и общественного обсуждения, не принесли существенных результатов, и Лики покинул Калико. До сих пор ведутся споры, являются ли «каменные орудия», найденные там, инструментами, изготовленными человеком, или всего лишь результатом естественного разрушения камня.

Я начала свой путь в Пенсильвании, проехала 5600 км через десять штатов за шестнадцать дней и прибыла в Калифорнию незадолго до 11 сентября 2001 г., когда Америка в одночасье перестала быть местом, где необычного вида иностранка может неспешно путешествовать по глубинке в старом минивэне.

С окончанием поездки настало время начинать новую, преподавательскую жизнь. Я изо всех сил старалась доказать, что заслуживаю своего места не только из-за политики этнокультурного разнообразия, поскольку подозревала, что мне предложили его именно по этой причине.

Преподавать оказалось трудно. Я воспитана в культуре, где правитель, отец и учитель составляют «святую троицу», и не могла привыкнуть к тому, что студенты видят в преподавателях друзей и спокойно оспаривают их мнение. Конечно, я в какой-то мере знала об этом по личному опыту в магистратуре Мичиганского университета, но с позиции преподавателя все воспринималось иначе.

Сначала я вела занятия так же, как преподаватели, учившие меня в колледже. Я ошибочно считала, что студенты, благодарные за знания, которыми я с ними делюсь, станут впитывать мои слова как губка. Студенты, однако, были

другого мнения. Они восседали в аудитории, скрестив руки на груди, и мне приходилось добиваться их уважения и внимания. Здешняя атмосфера была совершенно непохожа на обстановку в моем колледже в Корее, где принадлежность к университету в качестве студента или преподавателя являлась предметом гордости и требовала уважения.

Я слишком поздно поняла, что лишена природного дара преподавать. В отчаянии я направила все силы на исследования. Шли годы, я приспособилась, насколько могла, и в конце концов была принята на постоянную работу. Неожиданно со мной связалась Сингён Юн, пишущая о науке журналистка из Кореи, и предложила вести рубрику об эволюции человека в научно-популярном журнале *Gwa Hak Dong A*. Это меня заинтересовало, и я начала писать очерки для широкого круга читателей по всевозможным темам, связанным с эволюцией человека. Работая над рубрикой, я поняла, насколько ограничена и неэффективна односторонняя и дидактичная передача информации. Однако именно так я и преподавала.

Я начала рассказывать студентам истории, как в очерках для корейского журнала, и произошло чудо — у меня появилась увлеченность и энтузиазм в отношении своего курса «Введение в биологическую антропологию».

Некоторые преподаватели предпочитают камерные занятия, глубоко исследуя узкую тему с немногочисленными заинтересованными студентами. Когда-то я была в их числе, но теперь мне больше нравится массовость. Кое-кто из сотен студентов, посещающих широкий вводный курс, записывается на него только для того, чтобы выполнить общие требования к учебной программе. Раньше меня удручали скучающие лица слушателей, сидящих на галерке. Теперь я стараюсь зажечь в них искру любопытства, пробудить желание узнать больше, поэтому мне не надоедает читать этот курс, хотя его содержание практически не меняется. Как результат, некоторые из студентов, выбравших его по необходимости, а не по желанию,

приходят к мысли сменить профилирующую дисциплину на антропологию.

Я обнаружила, что темы, интересующие юных учащихся, захватывают и взрослых. Неудивительно: вопросы о том, откуда мы взялись, как жили и почему выглядим так, а не иначе, относятся к числу фундаментальных, волнующих каждого в определенный период жизни. Газетные и журнальные статьи об открытиях ископаемых останков предков человека всегда привлекают внимание. Все истории из области нашей эволюции учат, что не бывает единственно верного ответа и не бывает плохих вопросов: эволюция человека — вечно меняющаяся область знания.

То, что принимается за верный ответ сегодня, может быть поставлено под сомнение новыми данными и гипотезами завтра. Признак, полезный с эволюционной точки зрения, способствующий приспособлению, приобретает в конечном счете случайно. Особям, имеющим признак, который возник случайно и обеспечил им преимущество в столь же случайных внешних условиях, удается оставить чуть более многочисленное потомство, однако характеристика, выгодная в определенный момент времени, не остается выгодной навсегда. Все меняется.

Это относится ко всей долгой эволюционной истории человека. Разумеется, в нашем развитии были крупные проорывы, достижения, продвинувшие наш вид вперед: прямохождение, увеличенный головной мозг, зависимость от культуры. Однако, приглядевшись к пути человека, мы видим не прямую линию, а извилистую, петляющую тропу. Человечество не утруждало себя поиском наилучшего долгосрочного пути развития. Мы шли вперед, принимая наилучшее доступное решение в каждый момент в зависимости от конкретных условий.

В старших классах меня определили в гуманитарии, а не в естественники по результатам теста на выявление

способностей. Однако я работаю в области, являющейся одновременно гуманитарной и естественно-научной. Когда-то мне казалось, что у меня нет таланта к преподаванию, но теперь я считаю, что прекрасно подхожу для этой профессии. Тем не менее я и мысли не допускаю, что так будет всегда. Среда, в которой я нахожусь, может измениться, а вместе с ней изменятся и мое тело, и душа. Так было и во время моего шестнадцатидневного путешествия по стране. Единственное, что я могла, — это выбрать дорогу, пока пью утренний кофе, и двигаться по ней на запад до конца дня.

Двадцать две истории, собранные в этой книге, родились под влиянием моего общения со студентами, а также событий, к которым я имела прямое или косвенное отношение. Они написаны в жанре очерка, а очерк должен быть интересным и увлекательным. Многие из них начинаются с вопроса, который мне задали, а некоторые — с события, заставившего меня углубиться в предмет исследования. Я постаралась изложить все темы так, чтобы они были совершенно понятны человеку, не связанному с палеоантропологией. Вы можете начать с первой главы и двигаться последовательно или открыть книгу в любом месте и читать главы в любом порядке. Те, кто решит не ограничиваться этой книгой, может воспользоваться списком литературы, приведенным в конце. Я приглашаю вас в захватывающее путешествие к истокам человечества.

Санхи Ли

Окаменелый череп раннего человека
современного типа, *Homo sapiens*,
обнаруженный в Джебель-Ирхуд (Марокко)
(© Milford Wolpoff)

Каннибалы ли мы?

В фильме «Молчание ягнят» (1991) с Энтони Хопкинсом и Джоди Фостер в главных ролях Хопкинс играет каннибала по фамилии Ганнибал. Это один из немногих фильмов, с которых я, купив билет, ушла в середине. Входя в кинозал, я слабо представляла себе, о чем он. Во время просмотра меня начало подташнивать. Я думала, что выдержу, но переоценила свою стойкость и бежала после одной из слишком отвратительных сцен.

Не смешно ли, что через несколько лет я стала «экспертом по каннибалам», хотя и ненадолго! Весной 2007 г. в моем кабинете зазвонил телефон.

— Привет, я такой-то [не могу вспомнить имени] из Голливуда, работаю на канале E! News. У меня к вам пара вопросов, вы ведь эксперт по каннибализму. Если кто-то вдыхает в себя чей-то прах, это можно назвать каннибализмом?

— Простите...

— Вчера Кит Ричардс из The Rolling Stones сказал, что нюхал прах своего отца. Вы же знаете, кто такие The Rolling Stones, да? Так вот, я стал искать экспертов и загуглил «каннибализм». Ваше имя выскочило первым. Я не знал, что у нас совсем рядом есть эксперт по каннибалам! Я так рад познакомиться с вами.

Я была сражена, узнав, что мое имя возглавляет поисковый результат в Google по запросу «каннибализм».

Пару раз я читала курс по каннибализму, главным образом потому, что некоторые студенты интересовались этой темой. О курсе рассказали в *Chronicle of Higher Education*. Коллеги в университете стали поддразнивать меня, называя «профессором по каннибалам». Некоторые присылали мне газетные вырезки о каннибализме. В то время как раз судили каннибала в Германии, и я использовала этот пример в своем курсе. Сообщалось, что некто в Германии давал объявления о поиске людей, желающих быть съеденными, затем убивал и поедал тех, кто откликнулся, предварительно подписав с жертвой договор.

С учетом моего неприятия этой темы и единственной непрочной связи с ней я, разумеется, изумилась, когда мне позвонили из Голливуда. Подумала даже, что это розыгрыш, но все-таки высказала свое мнение. Что считать каннибализмом, зависит от того, как его определять. В некоторых культурах поедание праха предков является традицией, выражающей уважение к покойным, как, например, у индейцев яномамо. Многие антропологи сочли бы эту практику разновидностью каннибализма. Трудно сказать, что заставило Кита Ричардса вдыхать прах своего отца — столь же сильное уважение к покойному или просто желание попробовать его на вкус. Мое интервью с журналистом было опубликовано в печатном издании и в интернете. Некоторые друзья позвонили мне, потрясенные тем, что мое имя стояло в одном абзаце с именем легендарного гитариста.

История с Китом Ричардсом в действительности поднимает очень интересный вопрос о человеческой природе как таковой. Каннибалы ли мы? Люди предельно всеядны. Можно без преувеличения сказать, что на Земле нет ничего такого, чего люди не ели бы. Не исключено, что где-нибудь есть племя, которое регулярно подает своих братьев-людей к столу. В фильмах часто показывают, как люди, заблудившиеся в джунглях и попавшие в руки каннибалов, эффектно спасаются, когда их уже

готовы сварить или зажарить. Когда звучит вопрос «Кто такие каннибалы?», у большинства возникает образ «примитивных» племен из джунглей. Нам кажется, что мы, цивилизованные люди, никогда не могли бы стать каннибалами, а вот в далеких краях, возможно, живут дикари, которые придерживаются этой шокирующей пищевой традиции.

Я еще вернусь к вопросу о том, являемся ли мы каннибалами, но сначала поговорим о другой группе существ, которую некоторые антропологи подозревают в каннибализме. Она очень важна в обсуждении вопроса каннибализма у современных людей, причем, что примечательно, не слишком отделена от нас расстоянием или временем. Это ныне вымершая ветвь современных людей (*Homo sapiens*), представителей которой называют неандертальцами.

Наши родственники — каннибалы?

Крапина в Хорватии — это пещерная стоянка, в которой велись раскопки в начале XX в. Пещера Крапина известна благодаря находкам десятков погребенных неандертальцев. Многие останки принадлежали молодым женщинам и детям, и у всех наблюдались общие особенности. Начать с того, что ни от одного индивида не осталось целого костяка, только фрагменты. Особенно выделялось недостаточное количество костей лица и черепа. Кроме того, кости имели специфические отметины. Что все это значило?

Палеоантропологи интерпретировали это как свидетельство каннибализма. В начале XX в. мы представляли себе неандертальцев жестокими и грубыми дикарями. Некоторые из вас, возможно, до сих пор думают о наших предшественниках как о звероподобных существах: косматых, сутулых и приземистых жестоких полуобезьянах, живущих в африканских джунглях. Такой негативный образ породил склонность видеть во всем «свидетельства» каннибализма

неандертальцев, убежденность в котором широко распространилась в первой половине XX в.

Во второй половине XX в. ситуация стала меняться. Некоторые антропологи начали высказывать мнение, что каннибалов никогда не было ни среди неандертальцев, ни среди других видов. В 1980-х гг. Мэри Рассел, в то время антрополог Университета Западного резервного района, опубликовала интересное исследование, где предложила остроумный способ проверить, были ли неандертальцы каннибалами.

Поскольку многие палеоантропологи предполагают, что неандертальцы охотно убивали и поедали друг друга, то с готовностью видят в зарубках на ископаемых костях свидетельство разделки тела. Однако нет ли другого возможного объяснения? Рассел предложила в качестве альтернативной причины «вторичное погребение». В соответствии с этим ритуалом ранее похороненного через определенное время эксгумируют, чтобы очистить кости и снова их похоронить. В некоторых областях Кореи вторичное погребение практикуется до сих пор. Очистка костей для погребения также была древним ритуалом у некоторых племен полинезийцев и американских индейцев. В случаях ритуального перезахоронения зарубки на костях появляются не при забое и разделке, а вследствие тщательной их очистки и повторного погребения.

Чтобы проверить, может ли перезахоронение объяснить признаки, обнаруженные на неандертальской стоянке в Крапине, Рассел собрала данные об отметинах на костях с мест археологических раскопок с подтвержденными остатками разделанных туш, а также с мест бесспорных вторичных захоронений. Сначала она собрала кости со следами, образовавшимися в результате охоты на крупного зверя и свежевания туш в период верхнего палеолита, затем изучила кости из погребальной пещеры американских индейцев с характерными зарубками вследствие вторичного погребения. На следующем этапе отметины на этих двух типах костей были

сопоставлены с теми, что обнаружены на останках со стоянки неандертальцев в Крапине.

Как вы, наверное, догадались, отметины на костях крапинской стоянки оказались совершенно непохожими на следы свежевания туш на костях животных и больше походили на те, что наблюдались на останках из вторичных погребений. В частности, отметины из Крапины концентрировались на концах костей. Это расположение очень походило на зарубки, оставленные в ходе вторичных погребений американских индейцев, и было очевидно, что это следы не того типа, которые остаются при разделке мяса для поедания.

Эту разницу легко объяснить процессом вторичного погребения. Обычно к моменту ритуала тело значительно разлагается, и кости можно очистить просто ножом. Больше всего приходится трудиться над концами длинных костей (где находятся суставы), из-за чего следы ножа концентрируются там. Зарубки же при свежевании остаются в середине костей, поскольку мясо (мышцы) нужно срезать с костей, чтобы съесть, а мышцы крепятся к костям именно посередине*. Исследование Рассел показало, что зарубки, оставленные неандертальцами, скорее всего, соответствуют погребальным ритуалам, а не свежеванию. Следовательно, отметины на костях из пещеры Крапина не могут считаться свидетельством каннибализма неандертальцев.

«Каннибалов» просто неправильно поняли?

В 1980-е гг., когда Рассел опубликовала свое исследование по крапинским неандертальцам, мысль о том, что каннибалов не существует (и, возможно, никогда не существовало),

* Автор прибегает здесь к упрощению: места прикрепления мышц не связаны с серединой трубчатых костей, а соотносятся с проксимальными (т. е. верхними) и дистальными (т. е. нижними) их отделами. — *Прим. науч. ред.*

постепенно завоевывала умы антропологов. Некоторые утверждали, что идея каннибализма возникла вследствие неверного понимания или предвзятости. Действительно, само слово «каннибал» восходит к ошибке Христофора Колумба. Добравшись в XV в. до Вест-Индии, Колумб полагал, что высадился в Индии, а встреченных людей принял за монголов, и, поскольку тех принято было называть «потомками хана», он назвал их «канниба»*. Затем он послал в Европу отчет, где утверждалось, что «канниба едят людей».

Рассказ Колумба быстро распространился по всей Европе, и «канниба» превратилось в обобщающее понятие «каннибалы». Европейцев заворожило известие, что каннибалы, до той поры существовавшие только в легендах и мифах, реальны. Европейские страны в те времена соревновались друг с другом в приобретении колоний. Миссионеры, путешественники и антропологи, хлынувшие в дальние края, собирали истории о каннибалах и публиковали их в качестве массового развлекательного чтения. Каннибализм стал одной из обязательных характеристик «примитивных народов»**.

Ко второй половине XX в., однако, сложилась совершенно другая картина. Тщательное изучение книг и отчетов о каннибалах показало, что многие рассказы не имеют достоверной основы. Бесчисленные «отчеты» оказались всего лишь слухами. Уильям Аренс, антрополог Университета штата Нью-Йорк в Стони-Бруке, внимательно проанализировал все записи о каннибалах и предложил свое объяснение слухов о каннибализме в своей книге «Миф о человекоедении» (1979). Типичным источником этих слухов оказалось записанное свидетельство представителя соседской или конкури-

* Согласно другой версии, слово «каннибал» происходит от *caribal* — «выборный руководитель» по-испански.

** Каннибализм превратился в признак тех, кто подходил для порабощения. Испанцы выдвинули доктрину о том, что обращать в рабство можно только народы, о которых известно, что они каннибалы.

рующей группы туземцев, рассказавшего любопытным европейским путешественникам, где можно наткнуться на «каннибалов». Свидетельство звучало примерно так: «Мы не делаем таких вещей, но люди, которые живут за лесом, жестокие каннибалы. Меня самого едва не поймали и не съели, но я спасся». Конечно, ни один европеец, писавший о каннибалах в раннеколониальный период, не наблюдал каннибализм воочию.

Тщательное исследование этих утверждений Аренсом натолкнуло специалистов на мысль об отсутствии антропологической базы для существования каннибализма в истории, по крайней мере как регулярного, обычного режима питания. Значит ли это, что в человеческой истории вообще не было случаев каннибализма? Не обязательно. Имеются факты, что некоторые немногочисленные популяции людей практиковали каннибализм. Наиболее известен в этом отношении народ форе из Папуа — Новой Гвинеи. О народе форе во внешнем мире не знали до прибытия на остров в 1940-х гг. чиновников из Австралии для переписи населения. К 1950-м гг. австралийцы построили здесь контрольно-пропускной пункт и дороги, вскоре сюда потянулись антропологи и миссионеры.

Пришельцы сразу обратили внимание на традиции народа форе, в том числе на поедание мертвых. Форе сочли каннибалами и заставили покончить с этой практикой. Однако каннибализм форе был в высшей степени ритуальным и связанным с их необычной погребальной практикой, предполагавшей частичное поедание усопшего родственника. Когда у форе кто-то умирал, тело обрабатывали родственники по материнской линии в ходе уникального процесса, до сих пор не встречавшегося у других человеческих популяций. Ритуал мрачноват, но я все же его опишу.

Сначала отрезались кисти и стопы покойника, затем кисти рук и ног очищались от мяса. Далее извлекался мозг,

разрезался и раскрывался желудок, извлекались внутренности. После этих этапов родственники-мужчины съедали мышцы, а женщины — мозг и внутренности. За процессом наблюдали дети, которым взрослые предлагали принять участие в ритуале во славу усопшего.

Хотя в прошлом этот ритуал был широко распространен, форе больше его не практикуют. Остается, однако, вопрос, почему вообще они делали нечто, кажущееся настолько омерзительным огромному множеству людей. Форе верили, что съедение покойного снова делает умерших родичей частью живых, и они продолжают существовать в деревне. Кому-то это покажется абсурдным, но в этом веровании, самом по себе, нет ничего необычного. В действительности во многих культурах и регионах имеются варианты такой практики. Например, амазонские яномамо смешивают прах кремированных покойников с кашей, и все жители деревни (они же родственники) едят ее. Более того, христианская евхаристия, или причастие, основана на представлении о том, что верующий (символически) вкушает плоть и кровь Спасителя, Иисуса Христа. Все эти культурные ритуалы несут один посыл: «Делай это в память о таком-то». За чудовищным каннибализмом форе лежит совершенно нормальное чувство — любовь к близким, свойственная всем нам.

Конечно, не все проявления каннибализма продиктованы любовью. Иногда его истоки кроются в конфликте. Питье крови или поедание сердца поверженного во время битвы врага — один из примеров враждебного каннибализма. Цель заключается в том, чтобы искоренить врагов, поедая их. Примечательно, что подобное существует только в исторических записях, в современной истории тоже нет свидетельств очевидцев.

Что бы ни служило мотивом, любовь или ненависть, в отношении каннибализма ясно одно: ни у одной человеческой популяции нет человечины в регулярном рационе. Иными